

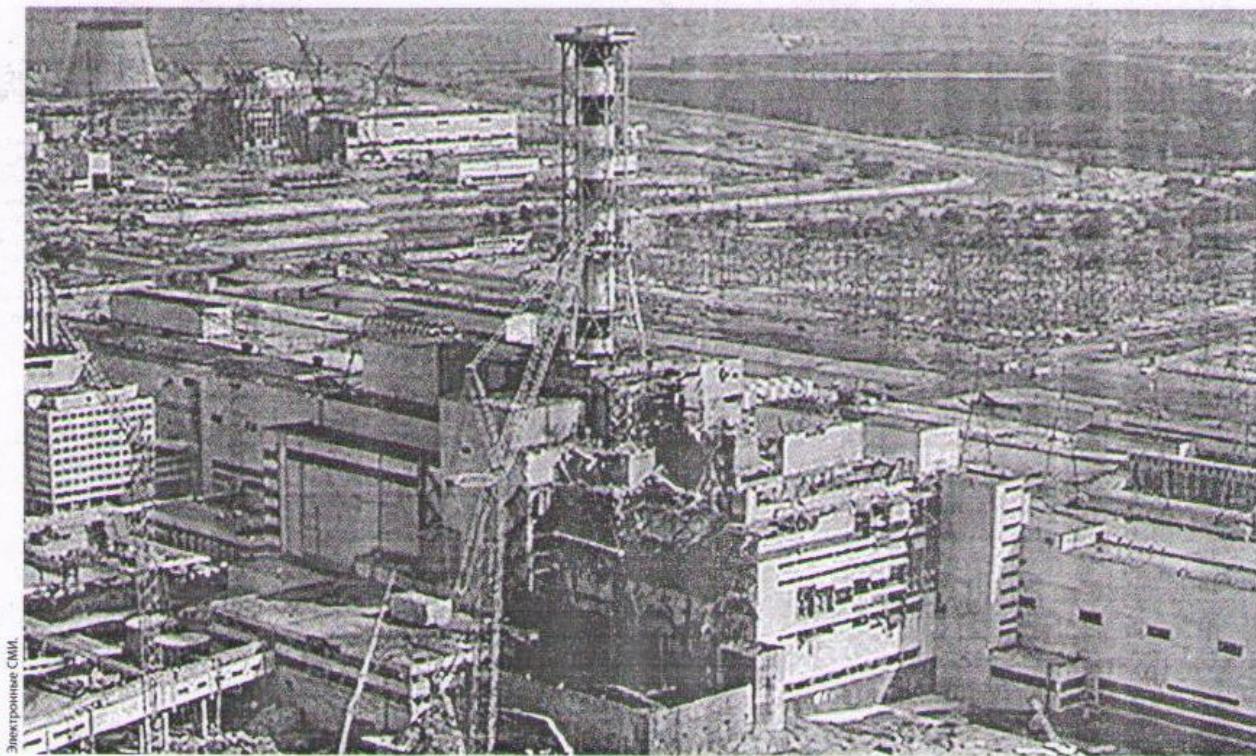
Уроки Чернобыля

Героизм порой — это расплата за чью-то халатность и безответственность

Чернобыль — это синоним мировой техногенной катастрофы. Поэтому вспоминать и говорить о нем надо не только 26 апреля. Уроки Чернобыля нуждаются в изучении и анализе, так же как и авария на химкомбинате «Маяк», случившаяся 29 сентября 1957 года. Что общего у этих двух техногенных катастроф? Прежде всего то, что вокруг них образовался информационный вакуум. Аварию в городе Челябинске-40, ныне Озерск, официально признали только спустя более трех десятков лет. Чернобыльскую аварию держали в тайне три дня, хотя катастрофу зафиксировали многие страны мира и скрывать ее было бессмысленно.

В 57-м году, когда взорвалась «банка» с радиоактивными отходами в Челябинске-40, мне было пять лет, брату год. Мои родители работали на комбинате. Отец — слесарем, мама освоила новую для себя профессию дозиметриста. Прежде она работала на ткацкой фабрике в городе Кинешма Ивановской области. По характеру женщина смела и дерзкая, умела поспорить с начальством, отстаивая права рабочих, которых отправляли на работы «по допуску» в радиоактивную зону. Само слово «дозиметрист» означает измерять дозы, дозировать время. Часто, как рассказывала мама, человеку не разрешали давать кассету, которая регистрирует радиоактивность. А на некоторых участках можно было находиться меньше минуты. Что тут успеешь? Многие заводчане потом звонили и благодарили маму — Альбину Дмитриевну Рыбину за то, что она продлила им жизни.

Мама сейчас 86 лет, у нее инвалидность. Мало осталось в живых тех, кто работал на комбинате в самом начале. Дозиметрическая служба тогда только зарождалась, все думали больше о производстве, чем о людях. Информация о взрыве на «Маяке» замачивалась, горожане не имели представления об аварии. Была загрязнена река Теча, на которой стояло много деревень. Жители «грязных» территорий не слышали о катастрофе. Город и жители были окружены ореолом секретности. Я чувствовала себя «агентом 007» и боялась проболтаться «врагам народа» о нахождении в городе стратегического объекта. А сарафанное радио придумывало разные мифы — например о подземном городе-«сокровище». Отсутствие ин-

Электронные СМИ

формации дает простор народной фантазии.

Конечно, между двумя авариями есть связь. В Припять приехали многие заводчане из Озерска. У них уже был накоплен опыт по дезактивации, дозиметрической службе, захоронению радиоактивных отходов.

Почему происходят катастрофы, что делать или не делать, чтобы они не случились? Люди должны анализировать такие события. Возможно, нужно перевести фокус внимания с производственного плана на человеческую жизнь. «Мирный» atom приручить не просто. На него влияют и человеческий фактор, и природный.

К событиям 1957-го меня вернула встреча участников чернобыльской трагедии в Центральной городской библиотеке Уфы со школьниками. Чернобыльцев было трое: Мунира Галимова, Ришат Гайнуллин и Рамиль Фаррахов.

Мунира Галимова в Припять приехала по комсомольской путевке вместе с мужем.

— Так случилось, что об аварии я узнала буквально через 20 минут,

— рассказывала М. Галимова. — Ночью 26 апреля вышла на балкон снять пеленки (сыну было восемь месяцев). Балкон выходил прямо на атомную электростанцию, и я увидела дым в виде грибочков. Утром, как ни в чем не бывало, старший сын ушел в школу. Они еще

делали гимнастику во дворе. Детский сад в субботу не работал, и средний сын был дома. Мы планировали сажать картошку. День был жаркий. Эвакуировали нас только на третий сутки. Взяли лишь самые необходимые вещи. В Припяти остались квартира, машина, все вещи. Потом нам дали компенсацию за машину. Еще разрешили взять с собой фотографии. Годы в Припяти — лучшие в нашей жизни: мы были молоды, там родились наши дети. Сейчас они выросли, живы-здоровы. Я вспоминаю свой город и плачу. Родственники мне говорят: «Что ты плачешь, нет уже такого города».

Известно, что первый удар принял на себя пожарные, которые не были подготовлены и защищены для работ в таких условиях. Они сделали самое главное — не допустили возгорания третьего энергоблока, который находился в том же здании. Затем в город стали приезжать специалисты-ядерщики со всей России. Всего к работам по ликвидации аварии было привлечено сорок министерств и ведомств.

Ришату Гайнуллину было восемнадцать, когда его, солдата срочной службы, отправили на ликвидацию аварии. Сейчас он возглавляет правление региональной Башкирской республиканской общественной организации инвалидов «Союз Чернобыль».

— Я служил в полку гражданской обороны сапером-пиротехником. Мы участвовали в работах по захоронению радиоактивных отходов и «рыжего леса», который был выужен радиацией, — говорит Ришат Гайнуллин.

— А вы поехали бы сейчас в Чернобыль, если бы знали всю правду?

— спросил один из шестиклассников.

— Солдат живет по приказу, — ответил Ришат Гайнуллин. — Мы знали, что происходило на самом деле, у нас не было никакой информации о последствиях взрыва. Старшим выдавали дозиметры-накопители, у солдат этих приборов было.

Рамиль Фаррахов — председатель правления уфимской общественной организации «Союз Чернобыль». Он жил и работал в Агидели на строительстве атомной станции. Когда стали формировать бригады ликвидаторов, вызвался поехать снабженцем. Ездил не один раз. На АЭС в Припяти был нужен человек, который организовывал бы питание. Поехал вместе с женой. Работали в 150 км от саркофага «Укрытие» по 12 часов. Дозиметры, как говорил Рамиль Фаррахов, зашкаливали. Продукты привозили из «чистой зоны» Чернобыля.

— Из Башкирии на помощь чернобыльцам приехали 12 тысяч человек, сейчас в живых осталось 2,5 тысячи, — рассказал Фаррахов.

Тогда своевременная информация была дороже золота, так как на весах были жизни тысяч людей. Многие не знали, как вести себя в случае беды. Например, что надо закрыть форточки, непускать детей гулять и многое другое. Не хватало информации и молодым военнослужащим. Они не знали, что созревшие в садах плоды были непригодны для еды, что в воздух из-за теплового взрыва поднялась вся периодическая система Менделеева. Чтобы сохранить жизнь молодым, было решено организовать призыв военнообязанных старшего возраста — от 30 до 50 лет.

Жители тогда еще Советского Союза оперативно откликнулись на трагическое событие. Ликвидировали аварию, как принято говорить, человеческими ресурсами. Самой действенной техникой была солдатская лопата. Именно лопатами сбрасывали солдат радиоактивный графит с крыши реактора.

Героизм людей покрывал чью-то некомпетентность, недальновидность и халатность. Но много было и тех, кто знал реальную опасность и все же не думал о себе, а исполнял свой человеческий долг.

Наталья ОЛЬХОВСКАЯ,
заведующая редакционно-издательским сектором
Центральной городской библиотеки Уфы.